

Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура

Дэвид Бэлфур — молодой наследник замка Шос. Его родной дядя Эбenezер Бэлфур строит коварный план, как избавиться от Дэвида, чтобы самому получить наследство. Обманым путем он завлекает племянника на корабль, отплывающий в Новый Свет. Но Дэвид — не из робкого десятка. Вместе с одним из лучших воинов Шотландии Аланом Стюартом они захватывают власть на корабле. Дэвид готов на все, чтобы восстановить справедливость и вернуть то, что принадлежит ему по праву крови... («Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура»)

Феттс работает в одной из анатомических лабораторий Эдинбурга, в которой никогда не бывает мало трупов. Но кто поставляет их в лабораторию и что стало причиной смерти всех этих людей? Мужчина начинает опасное расследование. («Похититель трупов»)

Существует бутылка, исполняющая желания. Но смерть ждет того, кто не сумеет вовремя избавиться от проклятого артефакта... («Сатанинская бутылка»)

Молодой Кеола взял в жены прекрасную девушку, дочь известного колдуна Калмака, живущего отшельником на Гавайских островах. Какую тайну хранит могущественный маг? («Остров голосов»)

Мир приключений

Роберт Льюис Стивенсон

Похищенный, или Приключения
Дэвида Бэлфура

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Мир приключений

Роберт Льюис
Стивенсон

Похищенный, или Приключения
Дэвида Бэлфура

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-4939-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Тексты печатаются по изданиям:

Р. Л. Стивенсон. Похищенный : Роман / Пер. с англ. — М. : Мир книги, Литература, 2011. —
192 с. (Шедевры мировой литературы)

Р. Л. Стивенсон. Собрание сочинений в 8 томах. — Т. 8. : Уир Гермистон ; Вечерние беседы на
острове ; Берег Фалеза ; Рассказы разных лет ; Стихи и баллады ; Статьи / Пер. с англ. — М. :
Терра — Книжный Клуб, Литература, 2003. — 384 с.

Перевод с английского *О. Ротштейн* («Похищенный»), *А. Швырева* («Похититель трупов») и
А. Энкель («Сатанинская бутылка», «Остров голосов»)

В оформлении обложки использована иллюстрация *Говарда Пайла* “An American Privateer
Taking A British Prize”

Электронная версия создана по изданию:

Девід Белфур — молодий спадкоємець замку Шоос. Його рідний дядько Ебензер Белфур будує підступний план, як позбутися Девіда, щоб самому отримати спадок. Він хоче продати племінника в рабство і нечесним шляхом заманує його на корабель, що відпливає до Нового Світу. Проте Девід не з боязких. Разом з одним із кращих воїнів Шотландії Аланом Стюартом вони захоплюють владу на кораблі. Девід готовий на все, аби відновити справедливість та повернути те, що належить йому за правом крові... («Викрадений, або Пригоди Девіда Белфура»)

Стивенсон Р. Л.
С80 Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура / Роберт Льюис Стивенсон ; пер. с англ. ;
сост. серии О. Дыдыкина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. —
320 с. — (Серия «Мир приключений», ISBN 978-617-12-2483-4).
ISBN 978-617-12-4471-9

Дэвид Бэлфур — молодой наследник замка Шоос. Его родной дядя Эбенезер Бэлфур строит коварный план, как избавиться от Дэвида, чтобы самому получить наследство. Он хочет продать племянника в рабство и обманым путем завлекает его на корабль, отплывающий в Новый Свет. Но Дэвид — не робкого десятка. Вместе с одним из лучших воинов Шотландии Аланом Стюартом они захватывают власть на корабле. Дэвид готов на все, чтобы восстановить справедливость и вернуть то, что принадлежит ему по праву крови... («Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура»)

УДК 821.111

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Похищенный, или Приключения Дэвида Бэлфура

*Записки о приключениях Дэвида Бэлфура в 1751 году,
о том, как он был похищен и потерпел кораблекрушение;
о его страданиях на необитаемом острове;
о его странствованиях по диким горам;
о его знакомстве с Аланом Бреком Стюартом
и другими видными якобитами
шотландской горной области
и обо всем, что он претерпел
от рук своего дяди Эбenezера Бэлфура,
незаконно присвоившего себе поместье Шоос-хаус,
написанные им самим и ныне изданные
Робертом Льюисом Стивенсоном.*

Посвящение

Дорогой мой Чарлз Бакстер! Если вы когда-нибудь прочтете этот рассказ, то, вероятно, зададите мне больше вопросов, чем я смогу дать вам ответов. Так, например, вы поинтересуетесь, почему убийство в Аппине отнесено к 1751 году, с чего вдруг Торренские скалы так приблизились к Эррейду и по какой причине в повествовании не говорится обо всем, что связано с историей Дэвида Бэлфура? Эти орехи, увы, мне не по зубам. Но если вы меня спросите, виновен Алан Стюарт или нет, я буду настаивать на той точке зрения, которая изложена в рассказе. Население Аппина и по сей день целиком и полностью на стороне Алана Брека. Кстати, если вы наведете справки, то узнаете, что потомки *другого* человека, того самого, кто стрелял в королевского управляющего Кэмпбелла, до сих пор живут в этой местности. Но можете расспрашивать сколько угодно, а имени того *другого* вам не назовут: шотландские горцы свято соблюдают тайну, они вообще уважают тайны — и свои, и своих сородичей. По правде говоря, я и не стремился быть точным. Я писал не учебник истории для учащихся, а книгу, предназначенную для чтения долгими вечерами, когда занятия в классах уже окончены и приближается время отдыха. Честный Алан, который в свое время был лихим воякой, получил в моем рассказе новое воплощение. Это объясняется не моим коварным умыслом — я ставил перед собой цель хоть ненадолго переключить внимание какого-нибудь юного джентльмена с Овидия на Горную Шотландию и на минувшее столетие, представить ту эпоху, о которой мы, кажется, знаем еще меньше, чем о древнеримской империи, в занимательных, живых ярких образах.

От вас, мой дорогой Чарлз, я не вправе ожидать, что этот рассказ придется вам по душе, но, возможно, он понравится вашему сыну, когда тот подрастет; наверняка ему также будет приятно увидеть имя своего отца в самом начале книги. Мне же вдвойне отрадно начертать ваше имя здесь в память о тех днях, иногда грустных, но в основном счастливых, о которых я теперь часто и с удовольствием вспоминаю. Мне удивительно, что я могу мысленно преодолеть огромное расстояние во времени и пространстве и вернуться в нашу полную приключений юность. Я даже завидую вам, потому что вы, в отличие от меня, до сих пор ходите по тем же самым улицам и можете хоть

завтра отворить дверь той самой старой залы, где когда-то мы познакомились со Скоттом, Робертом Умчетом и с нашим горячо любимым, хотя и не таким известным Макбином. Вы можете отправиться в тот уголок, где проходили митинги общества I. J. R., где мы пили вино и замечательно проводили время, как когда-то Берне со своими друзьями. Я воочию представляю себе, как вы среди бела дня гуляете по местам нашей юности, видите их своими глазами, осязаете, в то время как мне все это доступно только в грезах и сновидениях. Но, несмотря на житейскую суету, прошлое постоянно пульсирует в моей памяти даже во время текущих дел и занятий. Пусть же его эхо чаще отдается и в вашем сердце и будит в вас мысли о вашем преданном друге.

*Р. Л. С.
Скерривор, Борнмут*

ГЛАВА I

Я отправляюсь в Шоос-хаус

Рассказ о моих приключениях я начну с июньского утра 1751 года, когда в последний раз я запер за собой дверь отчего дома. Пока я спускался по дороге, солнце едва освещало вершины холмов, а когда дошел до дома священника, в сирени уже свистели дрозды и предрассветный туман, висевший над долиной, начинал подниматься и исчезать. Добрейший иссендинский пастор мистер Кэмпбелл ждал меня у садовой калитки. Он спросил, позавтракал ли я, и, услышав, что мне ничего не нужно, после дружеского рукопожатия ласково взял меня под руку.

— Ну, Дэви, — сказал он, — я провожу тебя до брода и выведу на дорогу. — Мы отправились, и немного погодя он спросил: — Жалко тебе покидать Иссендин?

— Я мог бы ответить на ваш вопрос, если бы точно знал, куда я иду и что со мной случится дальше, — признался я. — Иссендин — славное местечко, мне было хорошо здесь, но ведь я ничего на свете больше и не видел. Отец и мать мои умерли, и, даже останься я в Иссендине, я был бы от них так же далеко, как живя где-нибудь в Венгрии.

Откровенно говоря, я уходил бы отсюда очень охотно, будь у меня уверенность, что на новом месте мое положение улучшится.

— Да! — согласился мистер Кэмпбелл. — Ты прав, Дэви. Значит, мне следует открыть тебе твое будущее, насколько это в моей власти. Когда твоя мать умерла, а твой отец, достойный христианин, почувствовал приближение смерти, он отдал мне на хранение письмо, предупредив, что оно — твое наследство. «Как только я умру, — сказал он, — и дом будет приведен в порядок, а имущество продано, — все так и было сделано, Дэви, — вручите это письмо моему сыну, и пусть он отправляется в Шоос-хаус, что недалеко от Крамонда. Я сам пришел оттуда, и туда же следует возвратиться моему мальчику. Он смелый юноша, и я не сомневаюсь, что он благополучно доберется до места и сумеет заслужить там всеобщее расположение».

— В Шоос-хаус! — воскликнул я изумленно.

— Никто достоверно не знает, — осторожно заметил мистер Кэмпбелл, — но кажется, владельцы этой усадьбы носят такую же

фамилию, как и ты, Дэви. Бэлфуры из Шооса — старинная, честная, почтенная семья, в последнее время, правда, утратившая прежнее величие. Твой отец тоже получил образование, подобающее его происхождению, никто так успешно не руководил школой, как он, и образованность его превосходила уровень простого сельского учителя; тебе известно, что я любил, когда он бывал у меня с визитами наряду с другими почтенными людьми, и даже мои родственники: Кэмпбеллы из Кильренета, Кэмпбеллы из Денсвайра, Кэмпбеллы из Минча и другие, все очень просвещенные люди, — находили удовольствие в его обществе. В довершение сказанного вот тебе завещанное письмо, написанное рукой твоего покойного отца.

Он дал мне письмо, адресованное следующим образом: «Эбenezеру Бэлфуру из Шооса, эсквайру, Шоос-хаус, в собственные руки. Письмо это будет передано ему моим сыном Дэвидом Бэлфуром». Сердце мое сильно забилося при мысли о блестящем будущем, внезапно открывшемся предо мной, семнадцатилетним сыном бедного сельского учителя в Эттрикском лесу¹.

— Мистер Кэмпбелл, — произнес я с волнением, — а вы бы на моем месте пошли туда?

— Разумеется, — заверил священник, — причем не медля. Такой взрослый юноша, как ты, в два дня доберется даже до Крамонда. В самом худшем случае, если твои знатные родственники, — а я предполагаю, что эти Бэлфуры тебе родня, — выставят тебя за дверь, ты всегда сможешь вернуться обратно и постучаться в дверь моего дома. Но я надеюсь, что тебя примут хорошо, как и думал твой отец, и со временем ты сделаешься важным человеком. А пока, Дэви, мой мальчик, в эту минуту расставания я считаю своей обязанностью предупредить тебя об опасностях, которые поджидают тебя в свете. При этих словах священник немного помешкал, выбирая место, где удобнее присесть, потом опустился на большой камень под березой у дороги, с важностью оттопырил верхнюю губу и накрыл носовым платком свою треугольную шляпу, так как солнце уже высоко поднялось над двумя вершинами и теперь ярко светило прямо на нас. Подняв указательный палец, мистер Кэмпбелл стал предостерегать меня сначала от многочисленных ересей, которые и так нисколько не соблазняли меня, и убеждать не пренебрегать молитвой и чтением

Библии. Потом он описал мне знатный дом, куда я направлялся, и дал совет, как вести себя с его обитателями.

— Будь уступчив, Дэви, в несущественном, — напутствовал он. — Помни, что хотя ты и благородного происхождения, но воспитан в деревне. Не посрами нас, Дэви! Будь обходителен в этом большом многолюдном доме, где наверняка много слуг. Будь осмотрителен, сообразителен и сдержан в эмоциях. Что касается владельца поместья, не забывай, что он — лэрд². Скажу тебе вот еще что: воздавай всякому причитающееся. По-моему, юноше должно быть лестно подчиняться лэрду, да вдобавок своему родственнику.

— Наверное, — согласился я. — Обещаю вам, что постараюсь следовать всем вашим советам.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся пастор. — Теперь обратимся к самой важной материи, то есть к кое-чему нематериальному, — пусть это прозвучит как игра слов. Вот здесь лежат четыре вещи. — Он с усилием вытащил из бокового кармана небольшой пакет. — Из них первая принадлежит тебе по закону: это небольшая сумма, вырученная от продажи книг и домашнего скарба твоего отца, — я уже говорил тебе, что купил их, а потом выгодно перепродал новому школьному учителю. Остальные три вещи — подарки от нас с миссис Кэмпбелл. Ты доставишь нам большое удовольствие, приняв их. Первая вещь круглая, и она, вероятно, больше всего понравится тебе, особенно вначале, но помни, Дэви, что она преходяща: облегчит тебе один шаг и исчезнет, как капля в море, растает, как утренний туман. Вторая вещь плоская, четырехугольная, вся исписанная: она будет служить тебе в жизни, как хороший посох страннику, как подушка под головой уставшему или больному. Третья вещь кубическая — она укажет тебе путь в лучший мир, а я стану молиться об этом.

Тут он поднялся, снял шляпу и некоторое время громко молился за отрока, отправлявшегося в мир, после чего внезапно обнял меня, крепко расцеловал, затем отстранил от себя и, держа за плечи, долго глядел на меня с лицом, омраченным глубокой скорбью, наконец отпустил, повернулся, крикнул мне «Прощай!» и почти бегом бросился обратно по дороге. Со стороны это показалось бы смешным, но мне и в голову не приходило смеяться. Я следил за добрым священником, пока он не скрылся из виду: он бежал все быстрее и ни разу не оглянулся назад. Я понимал, что причиной его грусти являлось

расставание со мной, и совесть кольнула меня упреком, ведь сам-то я был тогда очень рад, уходя из деревенского захолустья в блестящий шумный дом, где жили богатые и уважаемые дворяне Бэлфуры — знатные люди одного со мной рода. «Дэви, Дэви, — думал я, — видана ли где-нибудь такая черная неблагодарность? Неужели при одном намеке на знатность ты готов забыть своих старых друзей, тех, кто к тебе сердечно расположен? Стыдно, Дэви, очень стыдно!»

Я опустился на камень, на котором сидел мистер Кэмпбелл, и открыл пакет, чтобы посмотреть подарки. Я догадывался, что кубическая вещь, о которой говорил священник, — это карманная Библия. То, что он называл круглой вещью, оказалось шиллингом, а третья вещь, которая должна была служить мне в жизни и здоровому и больному, представляла собой клочок грубой желтой бумаги, где красными чернилами были выведены следующие строки: «Как готовить ландышевую воду. Возьми херес, сделай настойку на ландышевом цветке и принимай при случае ложку или две — эта настойка возвращает дар речи тем, у кого отнялся язык, помогает при подагре, укрепляет сердце и память. Положи цветы ландыша в банку, плотно закупорь и поставь на месяц в муравейник; выделенную цветами жидкость храни в пузырьке — она полезна и здоровым и больным, и мужчинам и женщинам». Внизу пастор сделал приписку: «Ее следует также втирать при вывихах, а при коликах принимать по одной столовой ложке каждый час».

Я, разумеется, посмеялся над этими наивными рецептами, но без всякой злобы или раздражения. Повесив свой дорожный узел на конец палки, я перешел речку вброд и стал подниматься на холм на другом берегу. Наконец я выбрался на тропинку, протоптанную среди вереска, и кинул прощальный взгляд на иссендинскую церковь, на деревья возле дома священника и на высокие рябины на кладбище, где покоились мои родители.

¹ Эттрикский лес — в шотландских преданиях таинственное место, где обитают фейри, или сверхъестественные существа из кельтской мифологии (в переносном смысле означает: в глухой провинции, в захолустье). — *Здесь и далее примеч. ред.*

² Лэрд — в Шотландии то же самое, что лорд в Англии.

ГЛАВА II

В мечтах и наяву

Наутро второго дня, достигнув вершины холма, я увидел перед собой с высоты всю страну, раскинувшуюся по склону до самого моря, а посреди склона, на длинном горном кряже, — Эдинбург, дымивший, как калильная печь. На замке развевался флаг, а в заливе ходили или стояли на якорях суда. Несмотря на дальность расстояния, я хорошо разглядел общую картину, которая показалась мне грандиозной, и мое сердце простого деревенского юноши от радости чуть не выпрыгнуло из груди.

Я миновал дом пастуха, где мне довольно неприветливо объяснили, как добраться до Крамонда. Так, спрашивая дорогу то у одного, то у другого жителя, я долго шел по направлению на запад от столицы, пока не выбрался на дорогу, ведущую в Глазго. На ней, к своему удивлению и удовольствию, я заметил солдат, которые двигались маршем под звуки флейты. Впереди на серой лошади ехал старый генерал с багровым лицом, сзади вышагивала рота гренадеров в шапках, напоминавших папские тиары. При виде военных в красных мундирах и при звуках торжественной музыки во мне пробудилась национальная гордость.

Я проследовал дальше, и вскоре мне объяснили, что я уже в крамондском приходе. Тогда я стал осведомляться у встречных о Шоос-хаусе. Странно, но мне показалось, что мой вопрос приводит всех в замешательство. Сначала я подумал, что дело во мне: наверное, моя и без того неказистая, да к тому же запылившаяся в дороге деревенская одежда не соответствовала величию здешних мест. Но когда еще несколько жителей подряд, взглянув на меня без малейшего интереса, уклонились от ответа, мне пришло в голову, что я тут не при чем, — причина в самом Шоос-хаусе. Может, я не так спрашивал? Чтобы рассеять сомнения, я решил изменить форму вопроса и, завидев какого-то добродушного малого, который ехал по проселочной дороге, стоя на телеге, поинтересовался, не слышал ли он когда-нибудь про Шоос-хаус. Парень дернул вожжи, притормаживая, и посмотрел на меня, как и другие, с нескрываемым удивлением. — Ну, — пробормотал он, — а что?

— Это большая усадьба? — уточнил я несмело.

— Разумеется. Дом очень большой.

— А что за люди живут там?

— Люди?! — оживился он. — Ты с ума сошел! Там нет людей.

— А мистер Эбenezер?

— О! — воскликнул незнакомец. — Да, если тебе нужен лэрд, то он там. Какое у тебя к нему дело, любезный, если не секрет?

— Мне сказали, что я могу найти у него место, — объяснил я, стараясь держаться как можно скромнее.

— Что? — закричал парень так громко, что вздрогнула лошадь. — Вот что, любезный, — продолжал он, — это, конечно, не мое дело, но ты кажешься мне порядочным малым. Послушай моего совета и держись подальше от Шоос-хауса.

Потом я встретил юркого человечка в красивом белом парике и понял, что это цирюльник, а так как мне было известно, что все цирюльники — большие болтуны, я без обиняков спросил его, что за человек мистер Бэлфур из Шоос-хауса.

— Человек? — вскинул брови цирюльник. — Он очень мало похож на человека, — добавил он и принялся хитро расспрашивать, что мне нужно от мистера Бэлфура, но я оказался еще хитрее, и парикмахерских дел мастер, так ничего толком и не добившись от меня, отправился к своему клиенту без вороха сплетен.

Не могу описать, какой удар нанесли все эти сцены моим ожиданиям! Хуже всего было то, что никто ничего толком не объяснял, — все лишь тарасили на меня глаза, а туманные обвинения мистера Бэлфура и Шоос-хауса неизвестно в чем обостряли мое нездоровое воображение и терзали меня еще больше. Что это за дом, когда один только вопрос «Где он находится?» заставляет весь приход вздрагивать и шарахаться прочь? И что это за лэрд, дурная слава о котором мчится по всем окрестностям? Если бы через час я мог снова очутиться в Иссендине, то бросил бы все свои намерения и вернулся бы к мистеру Кэмпбеллу. Но я забрался уже так далеко, что самолюбие не позволяло мне отступить, из одного только самоуважения я обязан был разобраться во всем и довести дело до конца. И хотя на душе у меня было прескверно от того, что я услышал, я все-таки, хотя и медленнее, чем прежде, продолжал идти вперед и спрашивать дорогу.

На закате я встретил полную темноволосую женщину с угрюмым лицом, устало спускавшуюся с холма. Лишь только я обратился к ней со своим привычным вопросом, она резко повернула назад, проводила меня до вершины, с которой только что сошла, и показала мне на большое строение, одиноко стоявшее на лужайке в глубине ближайшей долины. Окружающая местность понравилась мне: невысокие холмы густо поросли лесом, тучные, старательно возделанные поля обещали богатый урожай. Но дом выглядел полной развалиной, к нему не вело никакой дороги, ни из одной трубы не поднимался дым, и я не заметил вокруг ничего похожего на сад. У меня сжалось сердце:

— Как? Это Шоос-хаус?

Глаза женщины враждебно сверкнули.

— Он самый! — закричала она. — Кровь строила его, кровь прекратила строительство, кровь и разрушит его. Гляди, — воскликнула она, — я плюю на землю и призываю на него проклятие! Пусть все там погибнут! Если увидишь лэрда, передай ему мои слова, скажи, что Дженет Клоустон в тысячу двести девятнадцатый раз призывает проклятие на него и на его дом, на его хлев и конюшню, на его слугу, гостя, хозяина, жену, дочь, ребенка — да будет ужасна их гибель!

Женщина, чей голос звучал как жуткое заклинание, внезапно повернулась и исчезла, а я продолжал стоять на том же месте, и волосы мои поднялись дыбом. В то время люди верили в ведьм и боялись проклятий. Проклятие этой женщины, явившееся как бы предостережением, чтобы я остановился, пока не поздно, совершенно лишило меня сил. Я присел на холме возле канавы и стал смотреть на Шоос-хаус. Чем дольше я вглядывался, тем больше восхищался живописными видами: повсюду буйно цвел боярышник, на лугах мирно паслись овцы, в небе стаями кружили грачи. Во всем сказывались щедрость природы и благотворность климата, и только дом мрачно контрастировал с прекрасной долиной.

Пока я сидел, погруженный в невеселые раздумья, крестьяне стали возвращаться с полей, но я пребывал в такой унынии, что даже не пожелал им доброго вечера. Наконец солнце село, и я заметил на фоне желтого неба струйку дыма, поднимавшуюся из трубы Шоос-хауса, и, хотя струйка была не шире, чем дымок от свечи, все-таки она служила доказательством того, что в доме есть огонь, а значит, там тепло,

приготовлен ужин и обитает какое-то живое существо. Эта мысль ободрила меня, и я пошел по узкой тропинке прямо к дому. Едва различимая тропинка то и дело терялась в густой траве, но другой попросту не существовало. Луговая стежка привела меня к каменной арке, в верхней части которой виднелись следы древнего герба, рядом с аркой стоял домик без крыши для привратника: очевидно, тут предполагался главный въезд, но его так и не достроили. Вместо ворот из кованого чугуна высились деревянные решетчатые двери со створками, связанными соломенным жгутом; ни садовой ограды, ни малейшего признака подъездной дороги я не обнаружил, а тропинка, по которой я петлял, обогнула арку с правой стороны и, извиваясь, направилась к дому.

Чем ближе я подходил к зданию, тем угрюмее оно выглядело. По-видимому, это был лишь один из флигелей недостроенного особняка. Верхний этаж даже не подвели под крышу, и в небе вырисовывались нескончаемые уступы и лестницы. Во многих окнах не хватало стекол, и летучие мыши влетали и вылетали туда и обратно, как голуби на голубятне. Когда я оказался у дома, уже стемнело, и в трех окнах нижнего этажа, расположенных высоко над землей, очень узких и запертых на засовы, замерцал дрожащий маленький огонек.

Так вот он дворец, куда я иду! Вот те стены, в которых мне предстоит искать новых друзей и начинать блестящую карьеру! В Иссен-Уотерсайде, в доме моего отца, яркий огонь светил на милю вокруг, а дверь отворялась для каждого нищего. Я осторожно пробирался вперед, наострив слух, как вдруг до меня донеслись звуки передвигаемой посуды и чьего-то сухого сильного кашля, но ни голосов, ни лая собаки не последовало. При тусклом вечернем свете я почти ощупью нашел деревянную дверь, всю утыканную гвоздями, робко, с тревожно бьющимся сердцем поднял руку и постучал один раз. Потом стал ждать. В доме воцарилась мертвая тишина. Прошла минута, и ничто не пошевелилось, кроме летучих мышей, прошмыгнувших над моей головой. Я снова постучал и замер. Мои уши так привыкли к тишине, что я слышал, как в доме тикали часы, но тот, кто жил там, хранил упорное молчание и, очевидно, как и я, затаил дыхание.

Я уже хотел убежать оттуда, но меня охватила досада, и я принялся колотить руками и ногами в дверь и громко звать мистера Бэлфура.

Едва я вошел в азарт, как надо мной раздался кашель. Отскочив от двери и взглянув вверх, в одном из окон верхнего этажа я увидел человека в высоком ночном колпаке и расширенное к концу дуло мушкетона.

— Он заряжен, — предупредил голос.

— Я принес письмо мистеру Эбенезеру Бэлфуру из Шооса, — сообщил я. — Здесь он?

— От кого? — спросил человек с мушкетеном.

— Это вас не касается, — ответил я, начиная раздражаться.

— Хорошо, положи его на порог и убирайся.

— Ну уж нет! — возмутился я. — Я сделаю так, как мне велено, — отдам письмо мистеру Бэлфуру в собственные руки. Это рекомендательное письмо.

— Что? — резко крикнул голос, и я повторил сказанное. — Кто ты такой? — последовал вопрос после значительной паузы.

— Я не стыжусь своего имени. Меня зовут Дэвид Бэлфур.

Я убежден, что при этих словах человек в окне вздрогнул, потому что я услышал, как мушкетон брякнул о подоконник. Воцарилось долгое молчание, потом странно изменившийся голос спросил:

— Твой отец умер? — От волнения я не нашелся, что ответить, и только в изумлении смотрел на незнакомца, тогда он добавил: — Да, наверное, он умер, поэтому ты ломаешь мне дверь. — Опять повисла пауза, затем обитатель дома произнес вызывающе: — Ладно, я впусти тебя, — и исчез из окна.

ГЛАВА III

Дядя Эбенезер

Вскоре послышался лязг цепей и отодвигаемых засовов, дверь осторожно приотворили и немедленно захлопнули за мной.

— Ступай в кухню и ничего не трогай, — велел голос.

Пока житель дома снова укреплял затворы, я ощупью добрался до кухни. Ярко разгоревшийся огонь освещал комнату с такой убогой обстановкой, какой я в жизни не видывал. В углу находился старый, с висячим замком, посудный шкаф, на полках которого пылились с полдюжины каких-то убогих посуды, на столе стояли миска с овсяной кашей, стакан пива и лежала роговая ложка. Вдоль стены я заметил несколько запертых на ключ сундуков — больше в этом просторном почти пустом помещении со сводчатым потолком ничего не было. Навесив последнюю цепь, неизвестный подошел ко мне. Возраст его был от пятидесяти до семидесяти лет — точнее никто не определил бы, внешность самая неказистая: низкорослый, сутулый, с узкими плечами и землистым цветом лица. Помимо ночного колпака одежду его составлял фланелевый халат, надетый поверх заношенной исподней рубахи и заменявший ему и жилет и кафтан. Человек, видимо, давно не брился. Но особенно тревожило и даже страшило меня то, что он не спускал с меня глаз и при этом ни разу не взглянул мне в лицо. Я никак не мог догадаться, кто он по происхождению и по роду занятий. Больше всего он походил на старого, отслужившего свой век слугу, которого за пропитание приставили смотреть за домом.

— Ты голодный? — спросил он, и глаза его забегали где-то на уровне моего колена. — Можешь съесть кашу.

— Но это ваш ужин...

— О, — сказал он, — я могу обойтись и без него, только выпью эля: он смягчает мой кашель. — Человек опустошил около половины стакана, не прекращая разглядывать меня, а затем порывисто протянул руку: — Покажи письмо.

— Оно адресовано не вам, а мистеру Бэлфуру.

— А за кого ты меня принимаешь? — нахмурился он. — Дай мне письмо Александра.

— Вы знаете, как звали моего отца?

— Было бы странно, если бы я этого не знал. Твой отец приходился мне родным братом, и, хотя тебе не нравятся ни мой дом, ни моя овсянка, ни я сам, я все-таки твой родной дядя, мой милый, а ты — мой родной племянник. Давай письмо, а сам пока поешь.

Будь я мальчишкой, я, наверное, расплакался бы от стыда, обиды и разочарования. Но семнадцатилетний юноша уже не мог вести себя подобным образом — я молча отдал ему письмо и стал есть кашу, хотя один ее вид вызывал во мне отвращение. В это время мой дядя, склонившись к огню, вертел в руках письмо, не решаясь распечатать его.

— Ты не знаешь, что в нем? — с опаской поинтересовался он.

— Вы сами видите, сэр, — ответил я, — что печать не сломана.

— Гм... Что же тебя привело сюда?

— Я хотел отдать письмо.

— Ну, — хитро ухмыльнулся он, — ведь у тебя были, конечно, какие-нибудь надежды?

— Да, сэр, — признался я, — узнав, что у меня есть состоятельные родственники, я действительно надеялся, что они мне помогут. Но я не нищий, я не ищу у вас милости и не прошу ничего такого, чего вы не в состоянии мне дать. Хоть я и кажусь бедным, у меня есть друзья, которые не откажут мне в поддержке.

— Ну-ну, — покачал головой дядя Эбенезер, — ты вот что, пока не фыркай на меня. Мы еще отлично поладим. Слушай, Дэви, если тебе не по вкусу каша, я доем ее. — Он вытолкнул меня со стула и взял ложку. — Овсянка — славная здоровая пища, самая главная. — Он вполголоса пробормотал молитву и принялся есть. — Твой отец тоже не морил себя голодом. Насколько я помню, он не любил засыпать на пустой желудок. Что касается меня, то я всегда соблюдал умеренность в пище. — Хозяин дома глотнул пива, и это, вероятно, напомнило ему о гостеприимстве: — Хочешь пить — вода за дверью.

Я ничего не ответил и продолжал стоять, бросая недовольные взгляды на мистера Бэлфура. Он торопливо ел и одновременно рассматривал мои башмаки и чулки домашней вязки. Только один раз наши глаза встретились, и даже на лице вора, пойманного на месте преступления, не отразилось бы столько страха, сколько я увидел на лице своего дяди. Но чем объяснить такую его боязливость? Непривычкой к людскому обществу? В таком случае это дело поправимое: небольшой

опыт — и мой дядя станет совсем другим человеком. Резкий голос пробудил меня от посторонних мыслей:

— Твой отец давно умер?

— Недели три, сэр.

— Александр был скрытный молчаливый человек, — сообщил дядя.

— Он и в молодости не отличался общительностью. Он говорил что-нибудь обо мне?

— Пока вы мне сами не сказали, сэр, я и не знал, что у отца есть брат.

— Господи! — воскликнул мистер Бэлфур. — Так он, наверное, и о Шоосе ничего не упоминал?

— Я никогда даже не слышал такого названия, — крикнул я в запальчивости.

— Подумать только! — усмехнулся дядя. — Станный человек.

При этом дядя Эбenezер казался чрезвычайно довольным: то ли самим собой, то ли мной, то ли моим отцом — этого я не понял. Во всяком случае хозяин дома, вроде бы, больше не чувствовал ко мне ни отвращения, ни недоброжелательства, которые испытывал поначалу, потому что он вдруг вскочил, прошелся за моей спиной по комнате и хлопнул меня по плечу:

— Мы еще отлично поладим! Я очень рад, что впустил тебя. А теперь пойдем спать.

К моему удивлению, он не зажег ни лампы, ни свечи, а вслепую устремился в темный проход, тяжело дыша, поднялся на несколько ступенек, остановился перед какой-то дверью и отпер ее. Я спотыкался, стараясь идти за ним по пятам, и теперь оказался рядом. Он велел мне войти — похоже, это и была отведенная мне комната. Я послушался, но, сделав несколько шагов вперед, не пошел дальше, а попросил свечу.

— Ну-ну, ладно, — пробурчал дядя Эбenezер, — нынче прекрасная лунная ночь.

— Сегодня нет ни луны, ни звезд, сэр, и тьма кромешная, — возразил я. — Я не смогу найти постель.

— Прекрати, — ответил он, — я не люблю, чтобы в доме горел свет. Я страшно боюсь пожаров. Спокойной ночи, Дэви.

Не успел я еще раз выразить свой протест, как мистер Бэлфур захлопнул дверь, и я услышал, что он запирает меня снаружи. Я не знал, плакать мне или смеяться. В комнате было холодно и сыро, точно

в колодце, а когда я наконец отыскал постель, она оказалась мокрой, как болото. К счастью, я захватил с собой свой узел с вещами и теперь, завернувшись в плед, улегся на полу возле большой кровати и быстро заснул.

С первым проблеском солнца я открыл глаза и увидел, что нахожусь в просторном помещении, обставленном дорогой мебелью, с тремя красивыми окнами и обитыми тисненой кожей стенами. Лет десять, а точнее, двадцать назад можно было бы только мечтать заснуть и встретить новый день в такой великолепной спальне, но с тех пор сырость, грязь, заброшенность, мыши и пауки сделали свое дело. Кроме того, сильно пострадали оконные рамы, что для Шоос-хауса, похоже, стало привычным явлением, — складывалось впечатление, что моему дяде приходилось не раз выдерживать осаду своих возмущенных соседей, наверное, с Дженет Клоустон во главе.

На дворе уже светило солнце, а я так продрог в этой унылой комнате, что начал стучать и кричать, пока не пришел мой тюремщик и не выпустил меня на волю. Он повел меня за дом, где находился колодец с бадьей, и сказал, что, если мне нужно, я могу тут вымыться. Я так и поступил и вернулся на кухню, где хозяин в это время развел огонь и варил овсяную кашу. На столе лежали две роговые ложки, стояли две пустые миски, но стакан пива по-прежнему был только один. Видно, я посмотрел на дядю с некоторым удивлением, и он, заметив это, как бы в ответ на мою мысль спросил, не желаю ли я выпить эля, — так он называл свое пиво. Я заявил ему, что не хочу его беспокоить, хотя пиво мне нравится.

— Ну-ну, — проворчал он, — я ведь не отказываю тебе, Дэви, в том, что благоразумно.

Он снял с полки посудного шкафа другой стакан, но, к моему великому изумлению, вместо того чтобы нацедить еще пива, перелил ровно половину из первого стакана во второй. Странно, но в этом мне показалось какое-то благородство, которого я не ожидал. Мой дядя, бесспорно, был скрягой, но принадлежал к той наивысшей породе скупцов, которые способны заставить уважать свой порок.

Когда мы позавтракали, дядя Эбенезер открыл сундук и вынул из него глиняную трубку и пачку табаку, отрезав от нее ровно столько, чтобы набить себе трубку, а остальное запер снова. Затем он уселся на солнце

у одного из окон и закурил. Время от времени его взгляд задерживался на мне, и мистер Бэлфур задавал какой-нибудь вопрос, например:

— А твоя мать?

— Она тоже умерла.

— Красивая была дама! — Потом опять после длинной паузы: — Кто такие твои друзья?

Я приврал ему, что мои друзья — джентльмены по фамилии Кэмпбелл, хотя на самом деле только один из них, а именно священник, когда-либо обращал на меня внимание. Но мне показалось, будто дядя с пренебрежением относится к моему общественному положению, и я желал доказать вновь обретенному родственнику, что я не какой-то беззащитный нищий — у меня имеются достойные покровители.

Эбenezер Бэлфур, как видно, раздумывал над тем, что я сказал.

— Дэви, — произнес он наконец, — ты хорошо сделал, что пришел ко мне. Я высоко ценю фамильную честь и исполню свой долг относительно тебя, но мне нужно подумать, куда тебя лучше пристроить: в дипломаты, юристы или, может, военные, что молодежь любит больше всего. Я, Бэлфур, не собираюсь унижаться перед северными Кэмпбеллами, поэтому прошу тебя держать язык за зубами. Чтобы я не видел никаких писем, посланий, и никому ни слова — иначе убирайся.

— Дядя Эбenezер, — обиделся я, — у меня нет оснований предполагать, что вы желаете мне что-либо дурное. Но поймите — у меня тоже есть самолюбие. Я разыскал вас не по своей воле, и, если вы еще раз укажете мне на дверь, я поймаю вас на слове.

— Ну-ну, — с укоризной ответил он, — нельзя так, мой милый, нельзя. Потерпи денек-другой. Я не волшебник, чтобы найти тебе карьеру на дне суповой миски. Дай мне время и помалкивай — и тогда, честное слово, я устрою твою судьбу наилучшим образом.

— Хорошо, — кивнул я, — все понятно. Если вы поможете мне, я, без всякого сомнения, буду очень вам благодарен.

Мне показалось, разумеется, преждевременно, что я взял верх над своим дядей, и я попросил его проветрить кровать и просушить на солнце постельное белье, потому что спать на них в том состоянии, в каком они пребывали теперь, просто невозможно.

— Кто здесь хозяин, ты или я? — закричал мистер Бэлфур пронзительным голосом, но вдруг осекся и добавил примирительно: —

Ну-ну, я не то хотел сказать. Что мое, то и твое, Дэви, и наоборот. Ведь кровь не вода, и на свете только мы двое носим имя Бэлфуров.

Он принялся что-то бессвязно рассказывать о нашей семье, о ее прежнем величии, о своем отце, который затеял перестраивать этот дом, о себе, о том, как он остановил строительство, не желая впустую тратить деньги. Я вспомнил про Дженет Клоустон и сообщил дяде о ее проклятиях.

— Негодяйка! — возмутился он. — Тысяча двести девятнадцать раз — это значит каждый день, с тех пор как я продал ее имущество. Я хотел бы увидеть эту ведьму поджаренной на горячих углях. Самая настоящая ведьма! Ладно, мне надо собираться — у меня встреча с секретарем суда.

Он открыл сундук, вытащил очень старый, но хорошо сохранившийся синий кафтан без галунов, жилет и добротную касторовую шляпу, кое-как напялил все это на себя, взял трость, вновь замкнул сундук на замок и уже собрался уходить, но вдруг спохватился:

— Я не могу оставить тебя одного в доме. Мне надо запереть дверь, а ты подождешь снаружи, пока я не вернусь.

Кровь прилила к моему лицу:

— Если вы выгоните меня из дому, то больше не увидите.

Он заметно побледнел и стал кусать губы:

— Дэвид, это плохой способ добиться моего расположения.

— Сэр, — парировал я, — при всем моем уважении к вашим летам и нашему роду я мало ценю ваше расположение: меня учили прежде всего уважать себя, и, будь вы хоть десять раз моим единственным дядей, я все-таки не стану покупать ваше покровительство слишком высокой ценой.

Мистер Эбенезер подошел к окну и некоторое время глядел в него. Я видел, что он трясется и корчится, словно в судорогах. Но когда он обернулся, на лице его царила полная безмятежность.

— Хорошо, — улыбнулся он, — будем терпеть и прощать. Я никуда не уйду, и хватит об этом.

— Дядя, — воскликнул я, — что происходит? Вы обращаетесь со мной, как с воришкой. Вам неприятно, что я у вас в доме, вы ежеминутно и при каждом удобном случае даете мне это понять. Вы никогда не сможете меня полюбить. Я тоже вынужден держаться с вами грубо, хотя ни с кем не позволяю себе разговаривать в таком тоне.

Зачем вы вообще удерживаете меня? Отпустите меня обратно к моим друзьям, и дело с концом.

— Ну-ну-ну, — нахмурил брови мистер Бэлфур. — Я тебя люблю, Дэви, как могу, и мы найдем общий язык, вот увидишь! Честь нашего дома не позволяет мне выпроводить тебя туда, откуда ты пришел. Поживи здесь спокойно, веди себя разумно, и через некоторое время мы придем к согласию.

— Ладно, сэр, — сдался я, — поживу у вас немного. Конечно, получить помощь от родственника куда приятнее, чем от чужих людей, а если мы и не поладим, то, надеюсь, не по моей вине.

ГЛАВА IV

Башня с винтовой лестницей

День, начавшийся так дурно, прошел сверх ожидания хорошо. В двенадцать часов мы опять ели холодную овсяную кашу, а вечером — горячую: овсянка и эль составляли весь рацион моего дяди. Беседовал он мало и обычно выпаливал свои вопросы после долгого молчания, а когда я попытался завести с ним речь о своем будущем, он уклонился от разговора. В комнате рядом с кухней я нашел много латинских и английских книг, чтением которых с большим удовольствием занялся до вечера, — дядя не возражал. Время прошло незаметно, и я почти примирился со своим пребыванием в Шоос-хаусе — только вид моего дяди вызывал во мне беспокойство, особенно не нравилось мне то, как он смотрел на меня: искоса, боясь встретиться с моими глазами, и все время прятал взгляд.

Моя тревога усилилась, когда мне в руки попала дешевая книжка от Патрика и Уоркера; на титульной странице я увидел надпись, сделанную, очевидно, рукой моего отца: «Моему брату Эбенезеру в пятую годовщину его рождения». Меня очень удивили эти слова, ведь мой отец, насколько я знал, являлся младшим сыном в семье: неужели, не достигнув еще и пяти лет от роду, он уже писал таким красивым четким почерком? Или он ошибся с возрастом своего брата?

Маловероятно. Я старался не думать об этом, тем более что вокруг было столько интересных книг, старых и новых, в том числе труды по истории, романы и стихотворения, но мысль о почерке моего отца никак не выходила у меня из головы. Когда я вернулся в кухню, чтобы съесть очередную порцию каши и выпить пива, я первым делом поинтересовался у дяди Эбенезера, отличался ли мой отец способностями к учению.

— Александр? Нет, — ответил дядя. — Я гораздо умнее его и в детстве научился читать одновременно с ним.

Это вконец озадачило меня, я заподозрил, что Александр и Эбенезер были близнецами, и прямо спросил дядю об этом. Он вскочил со стула, и роговая ложка выпала у него из рук на пол.

— Зачем ты суешь свой нос, куда не просят? — прошипел он, схватив меня за плечо и уставившись мне в лицо; глаза его, небольшие,

светлые и блестящие, как у птицы, при этом недобро мигали и щурились.

— Что вы себе позволяете? — возмутился я, отстраняясь. Я несколько не уступал ему в физической силе и ничуть его не боялся. —

Отпустите мою куртку. Так нельзя обращаться с людьми.

Мне показалось, дядя сделал над собой невероятное усилие.

— Слушай, Дэвид, — произнес он уже спокойнее, — тебе не следует говорить со мной о твоём отце. Я не хочу ничего объяснять. —

Некоторое время он сидел, сжав губы, весь трясся от раздражения и не сводил немигающего взгляда с овсянки в миске. — Александр — мой единственный брат, — прибавил он каким-то бесчувственным голосом, затем взял ложку и принялся за кашу, все еще не переставая злиться. Непредсказуемое поведение дяди, его более чем странная реакция на мой вопрос, то, что он едва меня не ударил, — все это выходило за рамки моего понимания и возбудило во мне одновременно страх и надежду. С одной стороны, я всерьез задумался над тем, что мой дядя, похоже, сумасшедший и надо его опасаться. С другой стороны, совершенно произвольно в голове моей начала слагаться история наподобие слышанных мною когда-то народных баллад о нищем юноше — законном наследнике и о его злодее-родственнике, который старался любыми путями отнять у молодого человека то, что тому принадлежало по праву. Если бы мой дядя не имел причин опасаться меня, он не пытался бы разыгрывать комедию с пришедшим к нему бедным племянником. Я гнал от себя эту мысль, но она прочно засела в мозгу, и я по примеру дяди стал украдкой следить за ним. Так мы сидели за столом, как кошка с мышью, пристально наблюдая друг за другом. Он больше не проронил ни звука, но что-то усердно соображал — наверняка враждебное по отношению ко мне. Убрав посуду, он, как и утром, отпер сундук, достал табак на одну трубку, повернул стул к очагу и закурил, сидя ко мне спиной.

— Дэви, — вымолвил он наконец, — я вот о чем думаю... У меня есть немного денег, предназначенных тебе еще до твоего рождения. Я посулил их твоему отцу, понимаешь? Просто так пообещал, без всяких формальностей, в беседе за бокалом вина. Эти деньги я держал отдельно, что, конечно, очень невыгодно, но раз обещал — значит, обещал. Так вот теперь эта сумма выросла и составляет ровно... — он запнулся, — ...ровно сорок фунтов! — Дядя произнес эти слова,

взглядывая на меня через плечо, и почти с воплем прибавил: — Шотландскими деньгами!

Так как шотландский фунт равняется английскому шиллингу, то разница от этой оговорки получилась значительная. Кроме того, я понимал, что весь рассказ про отложенные для меня деньги лжив от начала до конца и выдуман на ходу с намеренной целью, какой — я, разумеется, не знал. Поэтому я даже не попытался скрыть усмешку в голосе:

— О сэр, вы уверены? Вы, вероятно, имели в виду сорок фунтов стерлингов?³

— Конечно, — ответил дядя, — я так и говорю: сорок фунтов стерлингов. И если ты на минутку выйдешь за дверь посмотреть, что творится на дворе, я достану их и кликну тебя.

Я поступил, как он велел, криво ухмыльнувшись, — пусть не думает, что меня легко обмануть. Стемнело, лишь несколько звезд светились над горизонтом, и, пока я стоял за дверью, я слышал глухой стон ветра между холмами. Видимо, приближалась гроза, и следовало ждать перемены погоды, но я и предположить не мог, что еще до наступления ночи это будет иметь для меня решающее значение.

Позвав меня обратно, дядя Эбenezер отсчитал тридцать семь золотых гиней⁴, остальные деньги в мелких золотых и серебряных монетах он держал, зажав в ладони, но в последнюю секунду пожалел расстаться с ними и сунул их в карман.

— Ну вот, ты убедился. Я кажусь тебе чудачком и странным человеком, но слово свое держу, я тебе это продемонстрировал. — И, не дав мне даже рта раскрыть, потому что я онемел от неожиданного великодушия своего дяди-скупца и никак не мог подобрать слов, чтобы выразить свою благодарность, он добавил: — Ни слова! Молчи. Мне благодарности не надо. Я исполняю свой долг. Конечно, не всякий сделал бы это, но мне доставляет удовольствие отдать должное сыну моего брата, хотя меня и считают замкнутым и нелюдимым. Мне приятно думать, что теперь мы уж точно поладим, как и положено таким близким родственникам.

Я отвечал ему со всей возможной учтивостью, но все время недоумевал, что будет дальше и почему он добровольно расстался со своими драгоценными гинеями, ведь даже ребенок не поверил бы его

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ